

**ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ
МЕНТАЛИТЕТОВ***

© 2016 г. А.В. Юревич**

***FACTORS OF FORMATION AND EVOLUTION OF NATIONAL
MENTALITIES***

A.V. Yurevich

Рассмотрены основные, традиционно выделяемые в литературе факторы формирования и эволюции национальных менталитетов – природно-географические, социально-исторические, религия и система образования. На основе проведенного анализа сделаны следующие выводы. Во-первых, четыре основных фактора формирования национального менталитета целесообразно разделить на базовые и производные. Во-вторых, проявилась необходимость в дальнейшей дифференциации основных факторов детерминации менталитета. В-третьих, основные факторы детерминации менталитетов постоянно пересекаются друг с другом. В-четвертых, факторы формирования менталитетов одновременно служат и факторами их исторических изменений. В-пятых, наблюдалась двусторонняя связь менталитетов и тех факторов, которые их детерминируют. В-шестых, в рамках и на фоне главных детерминант менталитета действовали и более частные факторы,

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Номер гранта 15-06-02137.

** Юревич Андрей Владиславович, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора ФГБУН Института психологии РАН, заведующий лабораторией психологии личности ФГБУН Института психологии РАН, av.yurevich@mfil.ru.

обуславливающие полиментальность любого народа, – сосуществование разновидностей его базового менталитета.

The main, usually singled out, factors of formation and evolution of national mentalities – natural-geographical, social-historical, religion and system of education – were considered in the article. On the background of the accomplished analysis the author has made the following conclusions. First, it is reasonable to separate four main factors of national mentality into the basic and the secondary ones. Second, the necessity of consequent differentiation of the factors of determination of mentality was revealed. Third, the main factors of mentality determination are permanently crossing with each other. Fourth, the factors of mentalities formations at the same time appear as the factors of their historical changes. Fifth, the two-way connection between the mentalities and the factors of their determination were remarked. Sixth, within the frames of the main factors of mentality determinants the more particular factors which determine the polimentality of every population exist, – the coexistence of different forms of its basic mentality.

Ключевые слова: национальный менталитет, факторы формирования и детерминации, природно-географические, социально-исторические, религия, система образования.

Key words: national mentality, factors of formation and determination, natural-geographical, social-historical, religion, system of education.

По мнению авторов, обращающихся к проблеме менталитета, «удовлетворительного определения понятия «менталитет» пока не существует» (Лурье, 1997, с. 45), а «наше знание о психологической природе и механизмах формирования менталитета народов, субкультур, социальных групп и т.д. еще крайне ограничено» (Гостев, 2010, с. 22).

Тем не менее, это понятие превращается в один из самых популярных терминов современной российской социогуманитарной науки (Новое в науках о человеке ..., 2015; Проблемы субъектов ..., 2007; Современная социальная реальность ..., 2014; и др.). Отмечается, что «В конце XX в. в отечественной

науке предметом широкого дискурса становится проблема менталитета» (Буянова, 2006, с. 168), «В последние пятнадцать лет в отечественных социальных науках нарастало использование термина «менталитет» в самой разнообразной трактовке» (Семенов, 2007, с. 95), «Исследования российской ментальности, самосознания и самоосознания интеллигенции становятся одними из самых актуальных в последние десятилетия» (Гусельцева, 2012, с. 46). Достаточно выраженный интерес к проблеме менталитета обнаруживает и отечественная психологическая наука (Историческое и современное состояние ..., 2015; и др.).

В исследованиях, складывающихся вокруг понятия «менталитет», можно выделить следующие основные блоки: 1) характеристика самого понятия и соотнесение его с близкими категориями, такими как «национальный характер», «психический склад нации», «дух народа» и др., 2) описания конкретных видов менталитета в отечественной литературе, прежде всего, естественно, российского, 3) выявление исторических корней и других факторов формирования менталитета, 4) проявление его особенностей в поведении, культуре, образе жизни и т. п. его носителей, 5) исторические изменения менталитета под влиянием различных факторов и возможности целенаправленного воздействия на него.

Основные факторы формирования менталитета

В «Википедии» констатируется, что «Менталитет складывается на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития той или иной общности».²

Авторы многотомника «Национальная идея России» пишут: «Среди причинных систем, способствующих как формированию менталитета, так и его

---

² Менталитет [Электронный ресурс] / Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 01.10.2016).

эволюции, следует выделить: расово-этнические качества общности, естественно-географические условия ее существования, результаты взаимодействия данной общности и социокультурной среды ее проживания. Среди расово-этнических отличий социокультурной общности, воздействующих на менталитет, в первую очередь следует отметить ее численность, темперамент, уровень развития и т.п. Так, численность больших суперэтносов определяет в менталитете специфические черты, которых нет у малых наций: отсутствие ярко выраженных консолидирующих предпочтений, большая открытость и т. п. При анализе расово-этнических качеств и их воздействия на менталитет также важен учет этнической монолитности данной общности. Одна общность может быть монолитна в этническом плане (например, японцы или армяне), другая – представлять собой некий субстрат (например, американский народ, включающий в себя и автохтонные этносы, и переселенцев из Африки, Азии, Европы), третья – объединять различные этносы (например, россияне), что подразумевает необходимость общего знаменателя.

Другая система причин – это естественно-географические средовые условия проживания социокультурной общности, которые накладывают непосредственный отпечаток на менталитет, закрепляют на субъективном уровне оптимальные способы адаптации и выживания. Именно климатические условия и масштаб территории во многом определяют не только психологические особенности, но и специфику доминирующих социальных и политических институтов.

Третья система причин – это зависимость от результатов многовекового взаимодействия данной общности и социокультурных средовых условий ее проживания. Именно это обстоятельство способствует формированию устойчивых социально-экономических способов и типов жизнедеятельности: коллективно-общинный (Россия) или индивидуалистический, характерный для Запада, кочевой или оседлый образы жизни, что обуславливает наличие инвариантных ментальных констант» (с. 386-387).

По мнению Н.И. Боевко, «Географическое положение (близость внешних врагов и обширность государства), религия, способ и уровень производства, политическое устройство, социальная структура обществ, система воспитания и образования – вот основные факторы, определившие корни общей (российской – А. Ю.) ментальности» (Боевко, 2005, с. 52).

В.К. Трофимов отмечает, что «Формирование менталитета русского народа происходило под мощным влиянием четырех основных сил: природных условий, особенностей социальной жизни, православной религии, специфических особенностей национального воспитания» (Трофимов, 2015). Систематизируя соответствующие исследования, он пишет, что роль природных факторов раскрывается в работах В.Г. Белинского, И.Г. Гердера, И.А. Ильина, В.О. Ключевского, Д.С. Лихачева, Л. Милова, Р. Пайпса, О.А. Платонова, Л. Смирнягина, Н.С. Трубецкого, А.С. Хомякова. Влияние особенностей социальной жизни, связанное, прежде всего, с авторитарным устройством государственной власти и общинным образом жизни, показано Н.А. Бердяевым, А.О. Бороноевым, А.И. Герценом, А.А. Зиновьевым, И.А. Ильиным, К.Д. Кавелиным, И.В. Киреевским, В.О. Ключевским, Ф.Ф. Нестеровым, О.А. Платоновым, П.И. Смирновым. Воздействие православия на душу русского народа раскрыто в трудах Н. А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.Л. Вышеславцева, С.З. Гончарова, А. Ельчанинова, И.А. Ильина, митрополита Иоанна, А.В. Карташева, И.В. Киреевского, П.И. Новгородцева, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского, П.Я. Чаадаева, А. Шмемана, И. Экономцева, В.Ф. Эрн. Особенности российской национальной системы воспитания и образования нашли отражение в работах А.П. Ветошкина, И.А. Ильина, В.И. Копалова, И.Я. Лойфмана, А.И. Минакова, Г. Ризз, К.Д. Ушинского, Э. Эриксона (там же). По мнению В.К. Трофимова, «Работы указанных и других авторов дают целостную картину детерминант, под влиянием которых формируются специфические черты русского национального менталитета» (там же). В то же время приведенный им список

хотя и достаточно длинный, но далеко не полный, на что автор, впрочем, и не претендует.

Обозначенные четыре *основных фактора формирования* русского менталитета почти полностью дублируются при объяснении формирования менталитетов ряда других этносов. Например, объясняя формирование менталитета мордовского этноса, Т.А. Волгаева пишет, что оно «происходило под активным влиянием четырех основных факторов: природно-климатических условий, особенностей социальной жизни, языческой религии, специфических особенностей духовно-этического воспитания» (Волгаева, 2015).

Та же схема воспроизводится при объяснении формирования этнического менталитета удмуртского этноса, которое, по мнению И.М. Вельма, «происходило под активным влиянием четырех основных факторов: природно-климатических условий, особенностей социальной жизни, языческой религии, специфических особенностей духовно-этического воспитания» (Вельм, 2015).

По поводу истоков тувинского менталитета И.Н. Карицкий пишет: «В Туве к традиционным истокам ментальности относятся шаманизм, ламаизм и образ жизни степной цивилизации. Более поздним источником социальных представлений (*одна из составляющих менталитета – А. Ю.*) является влияние русской культуры, в том числе православия и в том числе старообрядцев. Определенное влияние имели или имеют культуры уйгуров, китайцев, монголов» (Карицкий, 2012, с. 301).

Приведенная схема детерминации менталитета получает детализацию в объяснениях менталитета, прежде всего, русского, где прослеживаются конкретные связи между соответствующими факторами и его ключевыми особенностями.

Природно-географические факторы

Одним из пионеров изучения зависимости национального характера от природно-географических условий – *географического детерминизма* – в XVIII в. выступил Ш. Монтескье в работе «Размышления о причинах величия и

падения римлян» (1734). В XIX многие историки выводили особенности древнегреческого языка и культуры из особенностей побережья и климата Древней Греции. В.О. Ключевский показал связь природных и климатических условий с чертами русского национального характера. Схожие идеи развивал Л.Н. Гумилев в своей известной книге «Этногенез и биосфера Земли». «Широта души» русского народа, порожденная необъятными пространствами, отмечается и современными исследователями (например, Сикевич, 1996). А Е.Г. Синякина констатирует, что «народная психология формировалась под влиянием органической, неразрывной связи человека с землей» (Синякина, 2011, с. 98).

Различия в психологии жителей «открытых» и «закрытых» пространств, «степных» и «лесных» народов были показаны во многих последующих работах (Чудинов, 2015; и др.). Иногда усматриваются существенные различия также в ментальности «островных» и «континентальных» народов, что легло в основу такого идеологического течения, как «атлантизм».

Можно выделить два основных вектора воздействия природной среды на менталитет: а) посредством ее влияния на образ жизни народа, б) через образы родной природы, запечатлеваемые в менталитете, посредством ее *интериоризации* личностью.

Первый вектор раскрывается, например, в объяснении Н.М. Карамзина, который пишет: «Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствуя долголетию, как замечают Медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил небесных. Обитатель южного Пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, – слабеет в неге и праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха, и терпением укрепляется. Таковы были древние Славяне по описанию современных Историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая невзгоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самую грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с

чрезвычайною легкостию всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки» (Карамзин, 1994, с. 55-56). А, по мнению авторов «Национальной идеи России», «тяжелые климатические условия и необходимость совместного выживания <...> обусловили коллективизм, сплоченность и патриотизм русских, значимость для них *общих целей развития*» (с. 388).

Второй вектор акцентирует, например, П.Н. Савицкий, который видел специфику российского национального характера в “монгольском ощущении континента, противоположном европейскому ощущению моря” (Савицкий, 1993, с. 124), и особой “степной” психологии, характеризующейся ощущением отсутствия естественных границ, постоянной потребностью в перемещении и производных от них недостатке трудолюбия, мечтательности, “стремлении вдаль” и др. Н.А. Бердяев писал, что “спиритуальная география соответствует физической географии” (Berdyayev, 1962, p. 2). А, по мнению американских исследователей У. Гэвина и Т. Блэкли, “трудно найти другую нацию, которая в своем развитии испытала бы такое огромное влияние географических и геополитических факторов, как русские” (Gavin, Blakeley, 1976, p. 11).

Современные исследователи отмечают, что «Интересен подход к менталитету с точки зрения географического анализа этнокультурной и природной среды. Выделяются такие группы факторов, как географическое положение, обширность территории; климат (длинная зима, низкие температуры и др.); ландшафт. Первая группа факторов вызывает следующие черты характера (*русского – А. Ю.*): широта души, вольность, духовная свобода, подавленность, бесхозяйственность, безынициативность, лень. Вторая – такие черты, как меланхоличность, медлительность, недооценка своего труда, гостеприимство, терпение, послушание, коллективизм, соборность, чувство локтя, противоречивость, безудержность. Третья – созерцательность, мечтательность, наблюдательность, вдумчивость, слежение за природой, обсуждение пройденного пути» (Менеджмент ..., 2015).

Влияние религии

Н.М. Ракитянский пишет: «Мы исходим из того, что феномен менталитета объясняется культурно-историческим и, в конечном счете – религиозным происхождением... Вера формирует смыслообразующие устремления человека, вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки ... Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет её содержание. Более того, вера обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, её экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека» (Ракитянский, 2015). Соответственно «В наше время, несмотря на секуляризацию цивилизованного мира, единобожие еще остается средоточием жизни и ценностей огромного количества людей. Четыре монотеистические системы религиозного исповедания: *иудаизм, восточное христианство, западное христианство и ислам* предопределили типы *менталитетов* значительной части человечества» (Ракитянский, 2013, с. 60).

Этот автор прослеживает конкретное влияние религий на менталитет различных народов.

Например, по поводу воздействия иудаизма на менталитет евреев он отмечает: «Таким образом, догмат иудаизма о воплощении обуславливает монолитную *субъектность*, национально-корпоративное *родство*, общинную *автономность*, родовую *солидарность*, внутреннюю *сплоченность*, гибкую политическую *адаптивность* и *креативность*, историческую *преемственность* и *целостность* всех евреев как «*собирательной*» личности Израиля в пространственном и временном аспекте» (Там же, с. 65-66). «Базовые установки *мышления*, как и *поведенческие* особенности евреев, определяются сущностью монотеистического *догмата* иудаизма, который они выражают независимо от географического места, исторического времени и политической системы. В иудаизме мышление по своей сути не только исключительно *догматично*, так как оно *утверждает* себя без каких-либо доказательств, но

оно еще и *субъектно*. В его основании лежит откровение трансцендентного и абсолютного *личного* Бога» (Там же, с. 76), «религиозные обязанности формировали не только все сферы жизни еврея, но и определяли его *субъектные* качества, *мышление* и *волю*, чуждые пассивности и созерцательности (там же, с. 77). Н.М. Ракитянский отмечает также, что «При этом аргумент о том, что, например, в современном Израиле большинство евреев не являются религиозными людьми, ни о чем не говорит, ибо ментальная установка, которая зиждется на инвариантных *догматических* основаниях, действует независимо от того, считает себя еврей религиозным или нет. Даже в наше время среди евреев-атеистов, наверное, нет тех, кто отрицает концепцию богоизбранности» (там же, с. 78). Он добавляет: «В наши дни евреи разделены по вопросам теории и практики своей религии больше, чем когда-либо в истории, что в известной мере формирует в еврейской общине *ментальный диссонанс* и в перспективе создает угрозу ее ментальной идентичности. Тем не менее, для евреев по-прежнему важное значение сохраняет *иудейский* менталитет с особенными, догматически детерминированными и закрепленными тысячелетиями национальной традиции установками веры, мышления и воли. Со своими социальными и политическими представлениями, ценностями, идентичностью, системой отношений и характерным типом поведения» (там же, с. 79).

Об исламском менталитете жителей Северного Кавказа Н.М. Ракитянский и М.С. Зинченко пишут: «Каждый местный этнос исповедует свою версию ислама, что в значительной мере определяет его менталитет. Эта совокупность этнических менталитетов сложилась в своеобразную *полиментальность* – множественность менталитетов» (Ракитянский, Зинченко, 2014, с. 55). Но эти авторы добавляют и еще один – языковой – фактор: «Одним из важнейших следствий двух с лишним столетий истории Северного Кавказа в составе России стало то, что впервые на его многоязычной территории сложилось *двуязычие* – языком межнационального общения стал русский язык. Причем по масштабам применения и силе воздействия он превзошел все языки, когда-либо

претендовавшие на эту роль, что в значительной мере предопределило то, что Северный Кавказ в ментальном плане стал уникальной частью России (там же, с. 57).

В отношении польского менталитета Н.М. Ракитянский отмечает: «Феномен польского национального менталитета, как и любого другого, объясняется культурно-историческим и, в конечном счете, – религиозным происхождением» (Ракитянский, 2010, с. 84).

Большое влияние религии часто констатируется и в отношении российского менталитета: «Во многом наши духовные традиции определяются православием» (Патриотизм ..., 2015, с. 344).

Любопытны свидетельства воздействия религии на конкретные исторические личности. Например, по поводу Князя Владимира, крестившего Русь, Н.М. Карамзин писал: «Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и – что ужаснее всего – братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах Христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества» (Карамзин, 1994, с. 151). Чего, к сожалению, нельзя сказать о его последователях – русских князьях, которые, будучи православными, а часто и очень набожными, при этом, по свидетельству того же Н.М. Карамзина, не стеснялись в изобилии проливать кровь своих единоверцев. Они постоянно использовали иноверцев – печенегов, половцев, татаро-монголов, поляков, венгров и других в качестве наемников в своей междоусобице, а православие не сплотило наших предков перед лицом страшной угрозы татаро-монгольского нашествия.

Не отрицая большого влияния православия на наш менталитет, некоторые авторы считают, что его наиболее глубокие корни следует искать в более ранних – дохристианских временах. Как пишет один из современных авторов: «мне почему-то кажется, что истоки русского менталитета спрятаны именно в нашем дохристианском прошлом. <...> Потому как версия о том, что русские спустились с деревьев, построили Киев, Новгород и пригласили Рюрика на правление, меня лично не устраивает. И единственным объяснением нашей

особой культуры, которое я нахожу, является отношение русских к своим богам» (Русский менталитет ..., 2015).

Добавление к числу основных детерминант русского менталитета такого, как дохристианское прошлое нашей страны, существенно в том плане, что если считать одним из главных факторов его формирования православие, то его принятие, в свою очередь, нуждается в объяснении. По всей видимости, принятие православия состоялось на Руси *вследствие* того, что эта религия отвечала основным особенностям менталитета наших предков, а это сдвигает область объяснения в дохристианское прошлое нашей страны.

Аналогичным образом, например, Р. Мертон, рассматривая связь между формированием науки Нового времени и протестантизмом, писал о том, что не сама по себе протестантская религия породила науку, а протестантская *этика*, которая, хотя и находилась в тесной связи с соответствующей религиозной доктриной, но в то же время обладала достаточной автономией от нее и не столько выражала религиозные догматы, сколько «лишь артикулировала базовые ценности того времени» (Merton, 1957, p. 577).

Вообще в подобных случаях, видимо, можно говорить о *двусторонней* детерминации: исторического принятия тем или иным народом определенной религии особенностями его менталитета, а дальнейшего развития этого менталитета особенностями соответствующей религии. Аналогичным образом в большом количестве исследований выявлена корреляция между, с одной стороны, ментальными характеристиками народов, и, с другой, характерными для них системами социальных институтов (Э. Гидденс, П. Штомпка, П. Бурдые и др.). По мнению исследователей этой проблемы, за подобной корреляцией стоит *двусторонняя связь* менталитета и институтов, состоящая в том, что особенности менталитета получают институциональное выражение, а оно, в свою очередь, оказывает на них обратное воздействие (подробнее см.: Журавлев и др., 2013; Журавлева, 2013; Ушаков, Журавлев, 2015; и др.).

Тем не менее, в существующих объяснениях исторических корней менталитета эта двусторонняя связь обычно разрывается, и речь идет только о влиянии религии на менталитет.

Социально-исторические детерминанты менталитета

Социально-исторические факторы формирования менталитетов весьма многочисленны и разнообразны, поэтому, не претендуя на их полное и систематичное описание, лишь обозначим те из них, которые упоминаются наиболее часто.

Среди этих факторов в фокус внимания исследователей обычно попадает такой фактор, как *смешение различных народов*, неизбежно порождающее *гибридные* менталитеты. Строго говоря, все менталитеты являются гибридными, поскольку в истории человечества вряд ли можно найти генетически и культурно «чистый» народ, который ни с кем не смешивался бы.

Так, Н.С. Трубецкой в качестве основных элементов в русском психотипе, помимо собственно русского, выделяет славянский³ и туранский

---

³ В этой связи, в частности, представляется совершенно неадекватным термин «славянофильство», получивший широкое распространение. В действительности под ним, если не идет речь о панславизме, имеется в виду *русофильство*, не предполагающее перенос соответствующей установки на другие славянские народы. Славянский менталитет тоже достаточно многообразен, что проявляется и в современности, и в истории. Например, Н.М. Карамзин, характеризуя наших предков, пишет: «Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем, стыдливость украшала их жен, брак издревле считался святою обязанностию между ними, мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою, в распрях и ссорах убивали друг друга, не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. – Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам, также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных, но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест, и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе,

элементы. Он пишет о том, что русский национальный тип был порожден сопряжением восточного славянства с туранством, отмечая при этом, что роль туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, в общем, была положительной (Трубецкой, 1999).

Н.С. Трубецкой связывает особенности русского национального характера с татаро-монгольским влиянием. По его мнению, с одной стороны, ханское господство породило такие отрицательные черты в народе, как склонность к разбою и мятежу, неразвитое правосознание, низкопоклонство и заискивание, а также неуважение к частной собственности, с другой – воспитало такие позитивные свойства, как терпение и стойкость, проницательность и способность стойко выносить жизненные тяготы, умение самопожертвования и самоотдачи делу, гибкость и покладистость в процессе общения с другими (Трубецкой, 1999). На разнообразные влияния татаро-монгольского нашествия на наш национальный характер обращает внимание и Н.М. Карамзин, акцентирующий преимущественно негативные стороны этого влияния, в частности то, что мы «загрубели под игом варваров» и т.п. (Карамзин, 1993б).

Современные исследователи И.Н. Карицкий и В.Ф. Петренко пишут: «Хотя евразийство как идейное течение возникло только в 1920-е гг., несомненно, что в самой российской жизни с давних пор евразийство является непосредственным фактом жизни (взять хотя бы завоевание Руси монголами или, наоборот, вековое продвижение русских на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю и Центральную Азию) ... Очевидно, что в России не

многоженство было у них в обыкновении» (Карамзин, 1993а, с. 59-60). А Н.С. Трубецкой в рамках русского ментального типа выделял целый ряд психотипов: северный великорус, южный великорус, помор, волгарь, сибиряк, казак, белорус, малорус-украинец и др. (Трубецкой, 1999), различие и даже противопоставление которых друг другу сыграли важную роль в последующих геополитических событиях, например, в произошедшем на Украине.

несколько сотен лет уже произошло, с одной стороны, смешение европейских (славянских, угро-финских, северокавказских и др.) и азиатских (тюркских, сибирских, монгольских и др.) народов, с другой – их взаимная адаптация и ассимиляция в единую российскую культуру. Например, известно, что генотип русских, татар, марийцев гораздо ближе друг к другу (а это три разных этнических группы, принадлежащих разным языковым семьям, – славянская, тюркская и угро-финская), чем генотип, скажем, русских и западных украинцев, принадлежащих одной этнической группе и семье. Тем самым евразийство свершившийся факт и наша повседневная реальность» (Карицкий, Петренко, 2012, с. 36-37).

При этом справедливо отмечается, что «Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами, однако ж действие часто бывает долговременнее причины, внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер Россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством Монголов» (Карамзин, 1993б, с. 194). И, как подчеркивает Н.М. Карамзин, «Древний характер Славян являл в себе нечто Азиатское, являет и доньне, ибо они, вероятно, после других Европейцев удалились от Востока, коренного отечества народов» (Карамзин, 1993б, с. 201).

Следует отметить и то, что на российский менталитет оказали влияние менталитеты не только восточных, но и западных народов, с которыми уже древняя Русь находилась в теснейшем взаимодействии. В Новгороде «со времен Рюриковых поселились многие варяги» (Карамзин, 1994, с. 158), пленные поляки и представители других народов, обитавших к Западу от России, расселялись на ее территории и смешивались с русским населением, немцы, моравцы, венецианцы жили в Киеве, русские князья соединялись родственными связями с монархами многих европейских государств. Все это не могло не оставить отпечатка на российском менталитете, в котором, как и в российской культуре (влияние варягов, Византии и др.), запечатлелись не только восточные, но и западные корни. А «мнение, что до времен Иоанна III

она (*Москва – А. Ю.*) не имела никакого сношения с Западом Европы, есть ложное» (Карамзин, 1993б, с. 66). Отмечается и то, что «Россияне вышли из-под ига (*татаро-монгольского – А. Ю.*) более с Европейским, нежели Азиатским характером» (Карамзин, 1993б, с. 201).

В целом же можно, по всей видимости, выделить три основных механизма влияния взаимодействия между народами на их менталитеты: а) объединение генофондов, б) заимствование культурных практик, в) формирование черт национального характера, необходимых для противодействия иноземным нашествиям и адаптации к их результатам.

Довольно часто отмечается, что исторически русский, а потом и российский менталитет формировался в системе геополитической детерминации Запад-Восток, под влиянием как Запада (принятие христианства, прозападные реформы Петра I и др.), так и Востока (татаро-монгольское иго, затем захват и освоение восточных территорий). Например, А.О. Бороноев (*Проблемы сибирской ментальности*, 2004) и П.И. Смирнов (*Смирнов*, 2004) считают, что в основе русского национального характера лежит служебная, альтруистическая деятельность (альтердеятельность, Для-Другого-деятельность), причём в роли «Другого» может выступать и человек, и Бог, и природа, и страна (служение «Святой Руси» как Божьему замыслу). Этому способствовал целый ряд причин – пограничность положения России, необходимость обороняться нашествиям как с Запада, так и с Востока, нужда во взаимопомощи, необходимость в единоначалии, тоталитарном устройстве государства. Подобные обстоятельства тормозили развитие рыночных отношений, развили в сознании русского народа религиозность и аскетизм.

По поводу более позднего этапа развития российского менталитета отмечается, что «На общероссийский менталитет повлияли культура и система ценностей нерусских по национальному составу республик и регионов, входящих в Российскую Федерацию, а также менталитет приграничных стран и народов» (Петренко и др., 2012, с. 53). Данный вектор влияния на менталитет является понятным, было бы странным, если бы перемешивание народов в

результате их завоевания друг другом и прочих подобных обстоятельств не оказывало воздействия и на их менталитеты.

В данном плане показателен феномен «сдвоенной идентичности». Так, более 40% русских, проживающих в Татарстане и Башкортастане, чувствуют себя в равной мере и россиянами, и, соответственно, татарстанцами и башкортастанцами, а более 30% татар и башкир и теми, и другими, или даже в большей степени россиянами. «Сдвоенную идентичность» имеет и значительная часть русских, живущих в других республиках России (Якутия, Тува и др.). Аналогичная идентичность свойственна представителям многих национальных диаспор, исторически существующих в России. Показательны и такие выражения, как «русский татарин», «русский немец», «русский еврей» и т. п. (Национальная идея России, 2012).

Среди исторических факторов детерминации российского менталитета выделяется и такой, как формирование российского государства как *империи*. Некоторые авторы рассматривают этот менталитет как имперский (в чем нашу страну до сих пор обвиняют на Западе) с его специфическими особенностями. Так, историк В. Анисимов выделяет четыре группы причин, которые обусловили специфику «русской модели имперского сознания». Во-первых, особенности внутреннего исторического развития России. По мнению историка, имперская политика всегда воспроизводит черты внутреннего политического и социального строя метрополии. В России – это деспотическая, репрессивная в своей основе власть московских самодержцев, рабский менталитет народа, основанный на крепостном праве, иерархии не вассалов, а государевых рабов, длительное отсутствие в обществе сословного строя, самоуправляющихся городов, общий дух несвободы и подавления личности государством и во имя государства. Во-вторых, особенности исторического пути России, специфика образования Московского государства, возникшего в тяжелой, в основном оборонительной борьбе с опасными иноверческими соседями с востока, юга и запада, а также в жестокой и беспощадной борьбе с другими русскими княжествами. В-третьих, традиции средневековой русской

идеологии с характерными для нее представлениями об особой роли России и русских в мировой истории («Москва – третий Рим», исключительная религиозная чистота православия, претензии России на «наследие» Византии). В-четвертых, особенности системы международных, геополитических координат, принятых в мире «правил имперской игры», которые волей-неволей не могла не учитывать имперская Россия (Истоки имперского менталитета ..., 2015).

Естественно, характеристика российского менталитета как имперского может вызвать возражения, даже негодование, особенно если вкладывать в этом слово современный, преимущественно негативный, смысл. Однако если рассматривать формирование российского менталитета не в идеологическом контексте, а в исторической ретроспективе, следует помнить, что слово «империя» имело в нашей истории позитивное и достаточно гордое звучание и заключало в себе в первую очередь смысл объединения разных народов. Это объединение происходило единственно возможным в прежние времена способом – путем завоевания⁴, сначала ради защиты от этих народов, дабы они не совершали набеги на Русь, а затем – ради защиты завоеванных народов от других народов. Завоевания в защитных целях и построение государства путем завоеваний представлялись историкам совершенно естественными, вызванными исторической необходимостью. Например, Н.М. Карамзин писал: «Окруженный к Западу, Северу и Востоку народами Финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки должны были ему покориться?» (Карамзин, 1994, с. 91). Следует учитывать и то обстоятельство, что Россия соседствовала с народами, привыкшими жить грабежом и постоянно совершавшими разорительные набеги на соседей. Европейские способы установления и сохранения границ в отношении таких

---

⁴ В частности, Н.М. Карамзин уже Древнюю Русь характеризует как «Государство, основанное на завоеваниях» (Карамзин, 1994, с. 164).

народов были неэффективны, а единственным *способом обеспечения безопасности* от них было их полное покорение.

Завоевательные войны тоже рассматривались в древние времена как достаточно положительное явление не только потому, что позволяли расширять границы государства и «отодвигать» опасных соседей, но и вследствие того, что, как, например, войны с Византией, увенчивались заключением взаимовыгодных договоров о военно-политическом, торговом и культурном сотрудничестве. Так, по словам того же Н.М. Карамзина, «Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или *войну* (*курсив мой – А. Ю.*) с разными богатыми странами – с Греческим Херсоном, с Козарской Тавридою, с Болгариею, с Константинополем – пленили Олега, и сей Князь сказал: *да будет Киев матерью городов Российских!* ... Олег, более всего думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли, мыслил ужасать соседей, а не бояться их» (там же, с. 93), «Войны были в сии времена народным промыслом» (там же, с. 97), «ни миролюбивые правила Христианства, ни торговля, роскошь, не усыпляли ратного духа наших предков, даже самые уставы церковные питали оный» (Карамзин, 1993а, с. 124). Показательно и то, что князь Владимир, который «вместе со многими Героями древних и новых времен, любя жен, любил и войну» (там же, с. 136), «вздумал, так сказать, *завоевать* Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя» (там же, с. 141) принял Крещение в Херсоне, предварительно завоевав этот принадлежавший Византии город.

З.В. Сикевич обращает внимание на особый стиль преподнесения истории в наших школах, «опорными точками которой являются, кроме «царей», всевозможные битвы, сражения и войны» (Сикевич, 1996, с. 122). А эмпирически изучив восприятие истории нашими согражданами, она обнаружила, что именно эти события занимают в нем центральное место, проявляется «воинственный» крен нашего исторического сознания (там же). Причина, конечно же, коренится не в неких «воинственных» установках наших

сограждан, а в объективном характере нашей истории и в способе ее преподнесения в учебниках. Отмечается и то, что «мощь российского оружия становится частью национального самосознания» (Патриотизм ..., 2015, с. 343).

Еще одна важная характеристика Российской Империи – самодержавие – тоже было вполне естественным продуктом нашей истории. Альтернативой единовластия в ней выступали феодальная раздробленность и княжеские междоусобицы, оборачивавшиеся постоянным кровопролитием и дорого стоявшие Древней Руси, сделав ее неспособной противостоять внешним врагам и, в первую очередь, татаро-монгольскому нашествию: «Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвой внешних» (Карамзин, 1993а, с. 110). А впоследствии «Самодержавие ... устранило важные препятствия на пути России к независимости, и таким образом возникало вместе с Единодержавием до времен Иоанна III, которому надлежало совершить то и другое» (Карамзин, 1993б, с. 196). «Если Рим спасался диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыя, могла ли иным способом оживиться и воскреснуть в величии?» (там же, с. 196). «Державный» характер свойствен и современному этноисторическому сознанию русского народа (Сикевич, 1996).

Имперский характер формирования Российского государства и его длительное существование в виде империи, естественно не могло не отразиться на российском менталитете, который в подобных условиях не мог не быть *имперским*, что имело свои и отрицательные, и положительные (например, ответственность за судьбу народов, включенных в состав империи) стороны и никак не может рассматриваться как его исключительно негативная характеристика, которую под влиянием отношения к империям в современном мире или каких-либо других идеологических факторов надлежит отрицать (см.: Россия в глобализирующемся мире ..., 2007; и др.).

Уделяется внимание и такому фактору формирования российского менталитета, как *история крепостного права*. Е.А. Жданова отмечает, что в течение почти тысячелетия в России существовали различные формы

крепостничества, которое со временем изменялось только в сторону ужесточения. Жизнь крепостного крестьянина делилась на две неравные части: большую часть рабочего времени он трудился на помещика, остальное время — работал на самого себя. Если крестьянин хорошо выкладывался, работая на хозяина, то ему не оставалось сил также качественно работать и на себя. Поэтому в менталитете четко закрепилось разделение между «работой на себя» и «работой на хозяина», которое дало о себе знать и в последующее время (Жданова, 2015).

Отмечается и то, что «Служилый характер российского государства, приоритет политических факторов закрепился на ментальном уровне. Таким образом, характерная черта русской ментальности – *патернализм*» (Национальная идея России, 2012, с. 393). А «Замедление темпов исторического развития (по отношению к Западу) и, как следствие, необходимость догоняющей стратегии модернизации, состояние постоянной мобилизации и концентрации основных ресурсов общества обусловили такие черты русской ментальности, как актуализация образа внешнего врага, опора на собственные силы и готовность и стремление народа к свершениям» (там же, с. 394).

Р.А. Зобов и В.Н. Келасьев пишут: «Поскольку нестабильное состояние общества для России было характерно во все времена, эти качества закрепились на уровне черт национального характера ... Следствие существования россиян в нестабильной социальной среде – неуважение к порядку, праву, государству, собственности и проч. Соответственно для западного человека более характерны склонность к порядку, устойчивости, уважение к праву, государству и собственности» (Зобов, Келасьев, 2005, с. 38).

Что же касается такого выделенного в начале статьи фактора формирования менталитета, как *система образования и воспитания*, то на нем в данном контексте едва ли стоит останавливаться в виду его достаточно очевидного характера (см.: Доверие и недоверие ..., 2014; Ушаков, Журавлев, 2009; и др.). Отметим лишь, что в данном плане иногда предлагаются довольно экзотические объяснения. Например, зарубежные исследователи Г. Горер и Г.

Рикман объясняют специфику российского национального характера традицией тугого пеленания младенцев, существующей в нашей стране (Gorer, Rickman, 1949). А.Х. Дикс усмотрел основную особенность российского менталитета в доминировании *оральной* культуры, характеризующейся неумеренной склонностью к еде, питью и пению (Dicks, 1952).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом же приведенная в начале статьи схема формирования национального менталитета – его объяснение природно-географическими условиями, особенностями социальной жизни, религией, специфическими особенностями национального воспитания, а также более частными факторами, сводимыми к различным вариациям четырех основных, наполняется конкретными смыслом различными исследователями. Она, если не подтверждается (в данном случае, в длительной исторической ретроспективе, в отличие от экспериментальных исследований, вообще трудно говорить о «подтверждениях»), то, по крайней мере, иллюстрируются и конкретизируются ими. В то же время по ее поводу можно сделать ряд замечаний.

Во-первых, четыре основных фактора формирования национального менталитета – природно-географический, социально-исторический, религия и система образования – целесообразно разделить на *базовые* – природно-географический и социально-исторический (в терминах, принятых в психологии, независимые переменные) – и *производные* – религия и система образования (зависимые переменные), поскольку вторые во многом испытывают влияние первых. В то же время подобное разделение носит достаточно условный характер, а первые два фактора тоже не вполне «независимы». Так, например, природно-географические факторы существенно изменяются вследствие присоединения к стране новых территорий.

Во-вторых, проявляется необходимость в дальнейшей дифференциации основных факторов детерминации менталитета, в особенности такого, как «особенности социальной жизни», по существу, включающего всю историю

той или иной нации, а также ее взаимоотношений с другими народами. Например, татаро-монгольское нашествие и крепостное право – это слишком разные вещи, чтобы их можно было трактовать в качестве единого фактора. Целесообразно различать как минимум «внешние» социальные факторы, коренящиеся, например, во взаимоотношениях россиян с окружавшими их народами и т. п., и «внутренние», связанные с тем, что происходило в нашей стране.

В-третьих, основные факторы детерминации менталитетов постоянно пересекаются друг с другом. Например, природно-географическое обстоятельство – открытые пространства, отсутствие высоких гор и морей, защищающих от внешних вторжений, делает народы более подверженными нападениям соседей и одновременно способствует нападению на них, что оказывает большое влияние на социальную организацию народов. Особо благоприятная для обитания территория может быть объектом для посягательств других народов, что, скажем, во многом предопределило судьбу американских индейцев. А татаро-монгольское нашествие обернулось для нашей страны *игром, но не завоеванием*, поскольку наш климат был слишком суров, чтобы вызвать у этого народа намерение покинуть степь и осесть на Руси, сделав ее своей территорией. «Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмешиваясь в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от Князей» (Карамзин, 1993б, с. 193). Такие факторы, как религия и система воспитания, находятся в тесной взаимной связи, а также с социальными и природно-географическими факторами. Соответственно, следует говорить о *системной* детерминации национальных менталитетов описанными факторами, а не об их раздельном влиянии на него.

В-четвертых, факторы формирования менталитетов одновременно служат и факторами их исторических изменений, а менталитеты различных народов, сохраняя свои базовые свойства, при этом постоянно изменяются под влиянием рассмотренных выше обстоятельств.

В-пятых, наблюдается двусторонняя связь менталитетов и тех факторов, которые их детерминируют. Менталитеты, в свою очередь, оказывают на эти факторы обратное влияние, что проявляется в двусторонней связи менталитетов с религиями, социальными институтами и т. д. (подробнее см.: Журавлев и др., 2013; Макропсихология ..., 2009; Ушаков, Журавлев, 2015; и др.).

В-шестых, в рамках и на фоне ведущих детерминант менталитета действуют и более частные, обуславливающие *полиментальность* любого народа, сосуществование разновидностей его базового менталитета (Об этом см.: Семенов, 2007; и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боечко Н.И.* Экономические реформы, ценности и российская полиментальность // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. С. 48-68.
- Буянова Ю.В.* История исследования понятия «менталитет» в зарубежной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 168-171.
- Вельм И.М.* Этнический менталитет: истоки и сущность (На примере удмуртского этноса) [Электронный ресурс] / Dslib.net. Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/jetnicheskij-mentalitet-istoki-i-suwnost.html> (дата обращения: 18.04.2015).
- Волгаева Т.А.* Менталитет мордовского этноса: истоки и сущность [Электронный ресурс] / Dslib.net. Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/mentalitet-mordovskogo-jetnosa-istoki-i-suwnost.html> (дата обращения: 17.04.2015).
- Гостев А.А.* Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой

психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Институт психологии РАН. 2010. С. 22-32.

Гусельцева М.С., Кончаловская М.М., Марцинковская Т.Д., Уварина Е.Ю. Структура и содержание идентичности российской интеллигенции. М.: Нестор-История, 2012.

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Жданова Е.А. Три особенности российского менталитета [Электронный ресурс] / Элитариум: центр дистанционного образования. URL: http://www.elitarium.ru/2004/05/27/tri_osobennosti_rossijskogo_mentaliteta.html (дата обращения: 25.04.2015).

Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5-25.

Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2013.

Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Самореализация, менталитет и социальная динамика // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2005. С. 30-47.

Истоки имперского менталитета в России – интервью с историком В. Анисимовым [Электронный ресурс] / ARD: портал деловой информации. 12.01.2015. URL: <http://asiarussia.ru/news/5718/> (дата обращения: 12.04.2015).

Историческое и современное состояние российского менталитета / Под ред. В.А. Кольцовой, Е.В. Харитоновой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Карамзин Н.М. История государства российского в 12-и томах. Т. 1, 2. М.: Московский рабочий, 1994.

Карамзин Н.М. История государства российского в 12-и томах. Т.3, 4. М.: Московский рабочий, 1993.

Карамзин Н.М. История государства российского в 12-и томах. Т.5, 6. М.: Московский рабочий, 1993.

Карицкий И.Н. Картины мира в тувинском шаманизме// Евразийская ментальность / Под ред. В.Ф. Петренко, И.Н. Карицкого. М.: Информолиграф, 2012. С. 301-316.

Карицкий И.Н., Петренко В.Ф. Евразийство и национальная идентичность // Евразийская ментальность / Под ред. В.Ф. Петренко, И.Н. Карицкого. М.: Информолиграф, 2012. С.21-48.

Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания, Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала, СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.

Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Менеджмент: ориентация на менталитет? [Электронный ресурс] / Regla. Научно-культурологический журнал. №6 [151] 25.04.2007. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1938&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 21.04.2015).

Национальная идея России / Под общей редакцией С.С. Сулакшина. В 6 томах. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.

Новое в науке о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т.Фролова / Отв. ред. Л.Г.Белкина; ред.-сост. М.И.Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Под ред. И.В. Бочарникова. М.: Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 2015.

Петренко В.Ф., Митина О.В., Менчук Т.И., Каменев И.А., Кучеренко В.В., Россохин А.В. К ментальности евразийского мира // Евразийская

ментальность / Под ред. В.Ф. Петренко, И.Н. Карицкого. М.: Информолиграф, 2012. С. 51-88.

Проблемы сибирской ментальности // Под ред. А.О. Бороноева. СПб., 2004.

Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. М.: Когито-центр, 2007.

Ракитянский Н.М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии [Электронный ресурс] / Экспертная сеть по исследованию идентичности. 20.03.2011. URL: http://identityworld.ru/load/kategorii/stati/rakitjanskij_n_m_dogmaticcheskie_osnovanija_anglo_amerikanskoj_mentalnoj_ehkspansii/2-1-0-117 (дата обращения: 15.04.2015).

Ракитянский Н.М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 4. С. 55-81.

Ракитянский Н.М. Сарматизм – ментальная основа шляхетской республики Речи Посполитой // Информационные войны. 2010. № 3 (15). С. 80-87.

Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 2. С. 53-70.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.

Русский менталитет: проклятие или благословение? [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический проект «Однако». 12.12.2011. URL: <http://www.odnako.org/blogs/russkiy-mentalitet-proklyatie-ili-blagoslovenie/> (дата обращения: 22.04.2015).

Савицкий П.Н. Два мира // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993.

Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2007.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. Москва: Механик, 1996.

Синякина Е.Г. Психологические характеристики русского крестьянства до революции 1917 года // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 96-104.

Смирнов П.И. Слово о России: Беседы о русской цивилизации. СПб., 2004.

Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М., ИСПИ РАН, 2014.

Трофимов В.К. Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект [Электронный ресурс] / Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина. Электронный научный архив. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/577/1/urgu0060s.pdf> (дата обращения: 16.04.2015).

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5-13.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Психологическое содержание социальных институтов и модель психосоциального человека // Новое в науке о человеке / Отв. ред. Л.Г. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 211-220.

Чудинов В.А. Ментальность, обусловленная средой [Электронный ресурс] / Институт Праославянской Цивилизации им. Ю.Д. Петухова. Публикации. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/002a/02111079.htm> (дата обращения: 20.04.2015).

Berdyayev N. The Russian idea. Boston, 1962.

Dicks H. Observations on contemporary Russian behaviour. L., 1952.

Gavin W.J., Blakeley T.J. Russia and America: A philosophical comparison. Boston, 1976.

Gorer G., Rickman G. The people of great Russia. L., 1949.

Merton R.K. Social theory and social structure. Toronto, 1957.